

И.С. ВЕСЕЛОВА Покров Богородицы и бытование платка в русской женской субкультуре

Представленная здесь газетная фотография демонстрирует устойчивость обычая, сохраняющего в нашей жизни первичный смысл платка-покрывала (его ограждающую, отделяющую функцию): заключенным женщинам разрешен только этот вид головного убора. Платок относится к тем элементам костюма, которые и в современном городе рассматриваются не только как определенные знаки социального, возрастного, полового статусов, но и как символы. Так, платок (реже покрывало) на женщине в городе в зависимости от его цвета и способа повязывания может означать или возраст (городские старушки на лавочках во дворах в светлых, завязанных под подбородком, по-старушечьи, платках), или вероисповедание (в православную церковь женщина может входить только с покрытой головой, причем чаще всего покрывают голову именно платком), или траур по умершим родственникам и т.д. При ближайшем рассмотрении оказывается, что ношение платка (покрывала различных модификаций) подчиняется достаточно четким, во многом традиционным законам. Ситуации, в которых современная женщина предпочитает или обязана надевать платок (покрывало), — это ситуации экстраординарные: или обрядовые, или отторжения от обычной системы социума (заключенные, нищенки, монашки).

Можайская женская исправительно-трудовая колония. Фото А. Замахина («Сегодня», 7 февраля 1996 г.)

С начала XIX в. мода стала оказывать все возрастающее влияние на русский женский костюм (этот процесс распространялся от высших сословий к низшим и из города в деревню). мода воцарилась в современном урбанистическом обществе. В угоду ей даже смещен календарь: за полгода до начала очередного сезона в столицах моды проходили представления новых коллекций одежды (так, коллекцию «весна—лето» показывают глубокой осенью). Место моды в процессе смены типов культуры неоднозначно. В самом начале работы «Функции национального костюма в Моравской Словакии» П.Г. Богатырев проводит важное, на наш взгляд, разграничение понятий «костюм» и «одежда»: основная «тенденция» костюма — стабильность, в то время как одежда ориентирована на моду [2]. Справедливое в отношении к национальному костюму в целом, это противопоставление не определяет всего комплекса различий между данными понятиями. Сопоставление фактов традиционной и городской культуры скорее свидетельствует о наличии более общей оппозиции «осознанное—неосознанное». Одежда становится костюмом при появлении внешней рефлексии точки зрения — исследователя, традиционного коллектива или модных стандартов [5, 14]. В карусели смены фасонов, расцветок, аксессуаров обращают на себя внимание детали, неподвластные диктату моды. Совершенно справедливо, что «как бы ни был одет человек, его внешний вид всегда подвергается интерпретации» [1, 315], причем можно добавить, что не только интерпретации, но и оценке по шкалам «свой—чужой», «модно—не модно».

ИННА СЕРГЕЕВНА ВЕСЕЛОВА, аспирант; Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

В силу нескольких обстоятельств одним из наиболее значимых элементов русского женского костюма остается платок: во-первых, до недавнего времени он был одним из самых распространенных женских головных уборов; во-вторых, он одновременно сочетает в себе уникальную простоту и многообразие форм; в-третьих, только в русской православной церкви существует праздник Покрова Богородицы. Особое почитание Покрова Богородицы в православии нашло отражение в представлениях о русском женском головном уборе. Все это дает возможность исследовать бытование платка в двух планах — сакральном (символическая функция) и быденном (практическая, обрядовая и др. функции), причем возможны взаимопроекции этих планов.

Д.К. Зеленин включал платок в число «трех первоначальных элементов» женских головных уборов [9, № 1, 544—545]:

1) головное покрывало, которое (иногда — И.В.) вместе с волосами закрывало и лицо (фата, полотенце, полотно, намитка, шаль, полушалок);

2) перевязка для волос, предохраняющая их от спутывания (лента, повойник, накосник, сеточка);

3) рога животного в качестве оберега («рога», «сорока», кокошник) — головные уборы на жесткой основе.

К концу XIX в. платок практически вытеснил в селе другие головные уборы [7] (в городе это произошло значительно раньше). Затем последовала замена традиционных платков и шалей на шляпки и другие головные уборы: «Наконец раздался первый свист паровоза и огласил нашу сторону. Европа ворвалась к нам, словно хлестнула нас огненной вожжей, и азиатская Рогожская пала <...> Все наши девицы вдруг сделались "барышнями". На хоро-

шеньких головках вместо платочков появились шляпы с белыми перьями, шегольские зонтики и наши тротуары стали топтаться французскими каблучками» [3, 160]. Однако новые головные уборы не смогли вытеснить окончательно платок даже в современном городе, поскольку он принял на себя обрядовые, праздничные и знаковые функции утраченных головных уборов на твердой основе (кокошников, «рогов» и т.д.).

Весь жизненный цикл женщины, все изменения в ее возрастном и социальном статусе отражались в модификации головного убора. Наличие/отсутствие платка, его цвет, способ повязывания, сочетаемость с другими головными уборами — код, по которому в традиционной культуре идентифицируется статус женщины, поэтому практически все переходные обряды с ее участием в главной роли сопровождаются сменой одной формы головного убора на другую.

Родильный обряд. Для облегчения родов на роженице развязывали все узлы, в том числе и платок, и расплетали ей косу [20, 264; 10, 320]: замужняя женщина оставалась простоволосой, что в обычное время было строго запрещено. По традиционным представлениям, женщина в первое время после родов является нечистой (она не выполняет обычную работу, ест отдельно от остальных членов семьи и т.д.). В момент родов женщина была вне обычной системы запретов и на время как бы «выпадала» из общей жизни семьи. До истечения 40 дней ей не разрешалось посещать церковь, после снятия этого запрета над нею читалась особая молитва с просьбой принять ее под покров Пречистой Богородицы и православной церкви (Молитва жене при рождении младенца) [15, 313]. Кроме того, повивальная бабка после крестин и очищения

роженницы получает в подарок от последней платок или кусок полотна, ситца [10, 326]. Она же или мать «загрызают грыжу» новорожденному через платок или пеленку с чтением соответствующего заговора [21, 100]. Роженица на крестинах и родинах дарит куму и куме — крестным ребенка — по полотенцу или намитку [12, 107].

«Развязывание ума». «С обрядом первой стрижки у русских и частично у украинцев совмещались знаменитые постриги, в результате которых доселе "бесполое" дитя <...> приобретало культурно предписанные признаки пола: мальчику дарили штаны или шапку, а девочке — юбку и платок» [1, 678].

Совершеннолетие. То, что девочка имела платок, не обязывало ее носить его, но с наступлением возраста, когда девушку можно было сватать, ей необходимо было ходить в специальном девичьем головном уборе (венке, лента, сложенный платок), из-под которого выглядывала коса [9, 308—309; 12, 50]. Непокрытая девичья коса воспринималась как знак невинности и как «девичья краса». Девушка не просто носила головной убор, но и использовала его в различных гаданиях о суженом, женских обрядах [19, 485].

На праздник Покрова Богородицы девушки молились о своем замужестве. «В праздник Покрова приходят в церковь и, прелестная через порог ее, говорят: Мати Пресвятая Богородица, покрой землю снежком, а меня женишком» [11, 24]; «Покров пресвятая Богородица! Покрой мою победную головку жемчужным кокошником, золотым подзатыльничком!» [6, III, 229]. Девичьи гадания на святки тоже не обходились без платка: например, при гадании с подблюдными песнями блюдо с украшениями покрывалось платком или шалью. В семицких обрядах кумления девушки и женщины заламывали березки и связывали их в венки платками и через венки обменивались головными уборами, а через неделю раскуливались и передавали их обратно — подобный обмен головными уборами рассматривается как установление ритуального родства [22, 279]. С завязанными платками березовыми венками также гадали о своем будущем и суженом. В репертуаре хороходных песен (в хороходах пели девушки или молодухи) мотив платка встречается достаточно часто: это или платок «любимого/нелюбимого» или «тальянский платок» для трюнцких гаданий с венками [14, № 1156—1160].

Девушкам, сознательно отказывающимся по каким-либо причинам от замужества (*Христовы невесты, чернички, старки*), предписывалось носить нечто среднее между женским и девичьим головным убором: «Одевается в темное и "повязывается низенько» [20, 267]. Еще более строгими были правила ношения головного убора для девушек, родивших ребенка вне брака: им категорически запрещалось носить открытую косу, но и на полноценный женский убор они не имели право [9, 305].

Свадьба. Свадебный обряд часто занимал не одну неделю, и каждый его этап сопровождался ритуалом с головным убором. Проследим модификации головного убора невесты на примере полного описания свадебного обряда в Вологодской области [17]. Основным знаком просватания является «закрывание» невесты платком, для чего собирались женщины и подруги.

94-летняя жительница г. Любим Ярославской обл. Вера Васильевна Смирнова в позрепальном «саване», приготовленном ею себе «на смерть». «Саван» надевается на покойного поверх верхней одежды, на голове у женщин — поверх платка. Он представляет собой прямоугольный кусок белого тюля, одна из коротких сторон которого присборена и оформлена как чепец: на расстоянии примерно 2-3 см от края к ней пришит рюш из тюля, а от одного конца этой стороны к другому по периметру неправильного полукруга продета такая же тонкая лента — чепец образуется, когда ленту стягивают. Мужчинам «саван» готовит из белого коленика или бязи и без рюша. На памяти В.В. Смирновой саван шили только для пожилых женщин и мужчин, то есть тех, дети которых уже взрослые. 1996 г. Фото С.П. Бушкевич

Закрывал невесту отец, после чего женщины перевязывали невесте «фатку по-годному»: «Платок берут за два соседних конца и, закинув за спину, как матросский воротник, завязывают концы под горлом. Потом свободным четырехугольником фатки, свисающим за спиной, закидывают невесте голову и лицо. Так, закрытая невеста и сидит до самого свадебного дня, не снимая фатку даже на ночь» [17, 34]:

*Сего дни да сего часу
В воскресенье светлое
Прикрыл меня батюшка
Злой фатой-то слезливою* [17, 39].

Одним из важных ритуалов севернорусской свадьбы является «бани» невесты, где ее парит специальная бабка, которая для приворожения жениха собирает невестиную фаткой ее пот, чтобы затем влить его в пиво жениху [17, 105]. Первым «торжественным» свадебным актом является «вывод невесты перед столы», то есть показ ее родственникам в «скруте» невесты. В этот момент головной убор невесты состоит из

шелковой шали и головодца (кокошника с открытым верхом): «Передние концы шали, разведа, связывают на спине так, чтобы лицо невесты было открыто» [17, 133]. Платком, в котором она рыдала всю неделю, невеста разбрызгивает воду после умывания по подругам — чтобы те поскорее выходили замуж. При выводе невеста закрывает особым платком еще и руки. На девичнике перед венчанием невеста раздает подругам свои ленты и кисточки от шали — на счастье — с особым причетом. В день венчания невеста несколько раз смекает убор, при этом дома она отдает свою «красоту» с причетом про «волокуту проклятую» (убор замужней женщины), в котором «кика» и «красота» ведут между собой спор [17, 233]. После венчания в церкви или в сторожке сваха меняет прическу молодой с девичьей на женскую — переплетает ей косы из одной в две — и одевает кичу. То, что кульминационный момент смены головного убора происходил именно в церкви, еще раз подчеркивает важность для русской традиционной культуры христианской символики Покрова. Платок (полотно) также входит в число подарков, которые невеста дарит новой родне.

Большуха. После венчания женщина на людях не должна была снимать с головы убор (кроме исключительных случаев — родов, похорон). Известно, что опростоловить замужнюю женщину, сорвать с нее головной убор, — значило, нанести оскорбление ей и ее семье. Причем головной убор замужней состоял из всех трех элементов: повойника — интимного, под который прятались косы, «кики», «сорочки» поверх него и платка или шали сверху, которые одевали для улицы. Одно из поздних объяснений столь строгого запрета на хождение без платка заключается в ревности мужа, только его «законном» праве любоваться косами жены [9, 317; 4, 3]. Еще одно из объяснений запрета — возможные наказания «сверху» за его нарушение. Так, пастух мог сурово наказать женщину, выгоняющую скот в стадо без платка (это грозило бедами скоту) [запись автора в Белозерском р-не Вологодской обл. в 1995 г.]. Чем старше становилась женщина и чем большая ответственность за семью ложилась на нее, тем строже становились запреты. Так, если молодухи, могли носить пестрые, красные платки, солдатки — белые, зеленые, желтые, то вдовы и старухи — только черные [20, 218].

Похоронный обряд. Платок в похоронном обряде выступает в нескольких качествах. Во-первых, полотенец, платок, кусок ткани до сих пор в деревнях вывешивают у окна в знак того, что в доме покойник (душа, по бытующим представлениям, приходит утираться полотенцем), кроме того, платки повязывают на кресты на могилах. Платками или полотенцами зашивают зеркала в доме. Во-вторых, на умерших женщин надевали платки в соответствии с тем статусом, который она имела. Например, «умершую молодую женщину одевают в яркую нарядную одежду и белый платок, пожилую женщину одевают во все темное» [20, 288]. «Умерших незамужних девушек всегда одевают более или менее празднично <...> Её [девушку. — И.В.] обвязывают полотенцем... (платком)» [10, 347]. В Тверской губ. существовал обычай, в соответствии с которым «многие женщины, умирая,

отдавали свои, иногда очень ценные, головные уборы в церкви» [4, 5].

Платок, выполнявший в русской традиционной культуре роль покрывала (головного убора), конечно, осмыслился в связи с праздником Покрова Богородицы. Праздник Покрова отмечается русской церковью в память явления Богоматери Андрею Юродивому и его ученику во Влахернском храме в Константинополе, где хранилась риза Богородицы. При этом явлении Богоматерь в сопровождении святых молилась в храме, а затем сняла с себя мафорий* и простерла его над молящимся народом. В этом же Влахернском храме еженедельно совершался обряд поднятия Покрова над образом Богоматери. Эта двойственность предания повлияла на иконографию Покрова. Существуют два типа композиции: где Богородица простерла мафорий над народом в храме и где над самой Богородицей ангелы держат мафорий. Таким образом, в сути праздника присутствует двунаправленность. Во-первых, это покровительство Пресвятой Богородицы всем православным, и во-вторых, покров Божественной благодатью самой Богородицы. Как уже отмечалось, все смеши головных уборов женщины так или иначе санкционировались церковью (принятие под покров церкви роженицы и ее очищение, подарок девочке платка крестной матерью, смена девичьего убора на женский в церкви, и пожертвование в церковь головного убора по завещанию). Чем старше становилась женщина, тем более ее головной убор становился закрытым и темным, то есть походил на мафорий. Мотив «чудесного одевания» в спасительную пелену Богородицы присутствует во многих русских заговорах от болезней, при отпирании в путь и др. Идеально соответствующим мафорию головным убором являются темные женские монашеские покрывы — закрывающие лоб, волосы и плечи: «Вместо камиллавок монахини носили черные платки, плотно охватывающие голову (в них была шита резинка) и целиком закрывающие волосы» [16, 224]. До сих пор при посещении церкви каждая православная женщина надевает платок. В вологодской деревне нам объясняли, что в церковь не ходят в платке, завязанном «назад концы**», а только с узлом под подбородком и распущенными концами. Пожилые старобрядки и сейчас ходят в церковь в черных или белых платках «в роспуск» (два ближних конца завязаны или скотелы под подбородком, а два свободно лежат на спине). При двух последних способах повязывания платка он — так же, как и мафорий, — закрывает лоб, голову и плечи. Стоит отметить также, что в церкви за совершение таинств (крещения, венчания) кроме платы берут и добровольное пожертвование в виде платка или полотенца (для обрамления икон и уборок храма). В современном городе православная церковь хранит и под-

держивает традиционную символику женского платка.

Теперь любопытно проследить, какие значения приобретал платок в городской культуре. Портретная живопись XIX в. дает прекрасное представление о популярности платка/шали/косынки у женщин всех сословий (дворянок, мещанок, купчих, крестьянок). На подавляющем большинстве домашних портретов начала века дворянки позируют в уютном интерьере, в накинутой на плечи «турецкой» шали и в тюрбане, скрученном из шелкового платка. Тот же канон перешел и в так называемый «примитив»: мещанки и купчихи запечатлены художниками-«наивами» непременно в шапочке из платка, огромной шали на плечах и с шелковым носовым платочком в руке. В то же время традиционный платок (наряду с мужской бородой) начинает служить знаком сословного положения: «Жена ходит по-русскому в платке, когда муж с бородою, и в чепце или в шляпке, когда муж бороду бреет, или даже тогда, когда он ее только подстригает» [18, 39].

Платок и другие традиционные головные уборы служили и знаком профессиональной деятельности женщины. Например, «большая, с кистями кашемировая шаль на плечах свахи была постоянным атрибутом одежды в моменты сватовства и являлась своего рода социально-разграничительным знаком. Помимо денежного вознаграждения свахе обязательно дарили кашемировую шаль» [8, 37]. Такими же знаками профессии в прошлом веке стали и яркие шляпы с перьями. Как на один из московских контрастов указывает мемуарист на соседство на Трубнои площади домов свиданий и женского монастыря «с окнами из келий на бульвар, кишевший по вечерам веселыми девами разных категорий — и в нарядных, крикливых шляпках с перьями, и в скромных платочках» [13, 439]. И сегодня есть «женские» профессии, где ношение головного убора (от платка, маленькой шапочки до почти кокошников) является обязательным, — продавцы, медсестры и врачи, повара.

П.Г. Богатырев вывел два закона бытования национального костюма: то, что носили все слои общества, со временем становится костюмом только пожилых людей; при переходе будничного костюма в торжественный и обрядовый, степень его обязательности может возрастать. Некогда популярный женский головной платок в современном городе остался в обиходе только у старушек, причем иногда дамы, бывшие в молодости модницами, осознают в пожилом возрасте необходимость носить на голове платок. Обязательным остается черный платок при трауре, даже во время гражданских панихид. Летом прошлого года в центре Москвы я наблюдала, как рано утром в трауре шли на работу чиновники, видимо, одного из крупных ведомств: мужчины в строгих темных костюмах, а женщины в черных платьях и многие в черных повязках или платках.

Рассмотрев некоторые моменты функционирования головного убора в традиционной сельской и городской культурах, можно сделать два замечания. «Высказывание» головного убора в традиционной культуре настолько интенсивно, что практически не нуждалось в вербальной перекодировке. Поэтому существует сравнительно ма-

лое количество фольклорных текстов с платком в качестве отдельного мотива. Пожалуй, лишь в жестоких романах широко представлен мотив платка: это и прощание с платочком в руках, и вышивание платка в ожидании милого, и накинутый второпях платок при встрече. При смене типа культуры с сельской на городскую этот головной убор сохранил символическую, обрядовую и знаковую функции (повсеместно — в рамках церковного этикета, свадебного и похоронного обрядов) и приобрел значение маркера социального и возрастного статуса, профессии. Важную роль в актуализации символической функции платка играет православная церковь и особое почитание в ней Покрова Богородицы. Впрочем, то, что платок время от времени становится модным аксессуаром, свидетельствует о его эстетической и прагматической актуальности.

Литература

1. Байбурина А.К. «Развязывание ума» // Лотмановский сборник. Вып. 1. М., 1995.
2. Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
3. Богатырев П.И. Московская старина. М., 1989.
4. Вершинский А.Н. Материалы по истории древнерусских одежд: Старинные наряды и головные уборы Тверской губернии. Старица, 1913.
5. Гофман А.Б. Мода и люди: Новая теория моды и модного поведения. М., 1994.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 3-х т. М., 1993.
7. Елеонская Е.Н. Женский костюм в пригородных деревнях г. Козельска // Этнографическое обозрение. Кн. XXVII. 1908. № 3.
8. Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем (По материалам городов средней полосы РСФСР). М., 1980.
9. Зеленин Д.К. Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavia. 1926—1927.
10. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
11. Великорусские заклинания: Сб. Я.Н. Майкова / Послеслов., примеч. и подгот. текста А.К. Байбурина. СПб., 1994.
12. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — нач. XX в. М., 1984.
13. Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия / Общ. ред., предисл. и примеч. Ю.Н. Александрова. М., 1989.
14. Песни, собранные Киреевским. Новая серия / Под ред. В.Ф. Миллера и проф. М.Н. Сперанского. Вып. 1. М., 1911.
15. Полный сборник молитв, читаемых перед святыми иконами на молебнах и всенощных бдениях, с присоединением тропарей и величаний. СПб., 1993.
16. Ривови Я.Н. Время и вещи: Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. М., 1990.
17. Русская свадьба: Свадебный обряд в Тарногском районе Вологодской области / Сост. Д.М. Балашов и др. М., 1985.
18. Вистенгоф П. Очерки московской жизни. М., 1842.
19. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А-Г. М., 1995.
20. Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / Авторы-сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993.
21. Традиционная русская магия в записях конца XX века / Сост., вступ. ст. С.Б. Адоньевой, О.А. Овчинниковой. СПб., 1993.
22. Русский зрелищный фольклор / Сост. и ред. А.Л. Топоркова. М., 1995.

*Мафорий (греч.) — длинное покрывало, закрывающее голову и плечи и спускающееся вниз. В христианской иконографии — одежда Богородицы и святых жен.

**По устному сообщению А.Б. Мороза, в Полесье бытует легенда, объясняющая, что платок не завязывают назад концами из-за того, что такой узел напоминает петлю, в которой удавился Иуда. Сейчас, наоборот, верующие девушки и молодые женщины завязывают платок в храме именно назад концами.